

A woman with long brown hair in a braid, wearing a light blue denim shirt, is seen from behind, looking out at a sandy beach and the ocean under a bright sky. The image is framed by two horizontal lines above and below the central text.

182

16+

СЁМУШКИНА В.В.

Вероника Валерьевна Сёмушкина

182

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48450699

SelfPub; 2019

Аннотация

О потере и обретении. Об ошибках и шансах все исправить. Главные герои новеллы через утрату приобретают что-то важное или получают урок жизни. Второстепенные персонажи выступают проводниками и необходимым условием для этого. Классика (не) романтической истории о трансформации (личности, ее мировосприятия). Действие новеллы происходит во Франции и США. Девиз книги: "Все в наших руках".

Содержание

I	4
II	10
III	23
IV	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

I

Песчинка к песчинке.

Свежий морской бриз приносит прохладу в томные часы полудня, дыша на разогретое лучами солнца побережье Жуан-ле-Пен¹. Подступающие к берегу волны пленили золотистый песок небрежно-нежно, захватывая его частицы и отпуская вновь.

Как море...любовь... порождает похожие чувства в стремлении однажды увидеть это, почувствовать. Проникнуться, запечатлеть фото – пленками в механизме сознания. Ласкающее взгляд и душу, и все же, соленое на вкус. Sometimes.

Море = Любовь.

Притягательное, граничащее с небом. Не вполне земное, изведенное. Такое близкое и далекое. Можно жить у его берегов, плескаясь в радужной атмосфере. Или быть его редким гостем, добираясь лишь раз в год, испытывая страх перед его великолепием и силой. Бросаться вновь в этот «омут», просыпаясь на берегу почти бездыханно, с остатками одежды и совести. Всматриваться вдаль с отчаянием и решимостью однажды вновь войти в него, покорив навсегда...

¹ Жуан-ле-Пен – курорт Лазурного берега Франции.

Из створа окна кафе, расположенного на пляже Жуана «le colombier», доносился эпохальный голос Элвиса Пресли:

*«...Love me tender,
Love me sweet,
Never let me go.
You have made my life complete,
And I love you so...»²*

В такт мелодии, покачивая головой из стороны в сторону, на пляже сидела София и размышляла о том, что несмотря на состоявшееся замужество сосуд ее любви был по-прежнему пуст. Вчера ей исполнилось двадцать пять лет. Подумать только, четверть века и такая тишина души. София медленно плыла по течению, наворачивая круги вокруг бесконечно повторяющихся дней. Единственным утешением служило *Море*, такое успокаивающе-лечащее душу. Она могла часами наблюдать за тем как оно дышит, чувствуя то или иное настроение его, напевая про себя мелодии южных нот.

Каждое утро, когда солнце всплывало льдом над тонкой гранью бокала горизонта, София, устроившись на берегу моря, пила кофе. Подносила к губам чашку, отпивала. Переменно дуя, прогоняла его горячность. Два сахара на блюде оставались нетронутыми. Только горечь, только правдивый кофе.

² Композиция Elvis Presley – «Love Me Tender» ([1956](#)).

Осматривалась вокруг. Соломенные зонтики покачивало ветром. Песчаные замки, такие величественные еще вчера, теряли свои очертания, обласканные ночной волной. По полосе берега порхал чей-то шарф зеленоватого-голубого цвета.

И было там их двое: она и море... И не было лучше утра, чем утро нового дня.

Закрепив заколкой волосы оттенка спелого каштана, освободив тело от одежд, София каждый раз как будто в первый шла на свидание с морем. Делая осторожные шаги, ощупывала пальцами ног принесенные ночью и волнами камни. Приближалась, вдыхая утреннюю силу моря, окунала в воду свою утонченную фигуру.

Есть ли время у чувств... Стрелка часов отношений Софии с ее мужем Домиником неумолимо двигалась к отметке «12». Это чувствовалось во всем. Специфичность слова «ВМЕСТЕ» проявлялась в нахождении их в этом состоянии в представлении других людей как о паре. Паре людей, имеющих определенный статус, круг полезных знакомых, перечень движимых и недвижимых вещей.

Течение жизни было ровным, глушило шепотом равновесных волн, постепенно вгоняющим Софию в дурманящий сон. Опутывало паутиной лени расстаться. Ей – с возможностью беззаботно проводить жизнь на берегу моря, не имея представления о счете времени и деньгам, постепенно забывая о нелегком прошлом. Ему – со статусом человека, жена-

того на красавице Софии.

Каждый из них определял происходящее как «Устраивает» и в этом чувствовалась стабильность, взаимозависимость и февральский холод.

В свои сорок с небольшим красавчик брюнет Доминик выглядел солидно. Был плотноват фигурой. В нем была та невидимая притягательная мужская энергетика, что очаровывает женщин. Увы, для последних, он был нелегкой добычей. Имея целью лишь достижение карьерных и финансовых высот, Доминик не искал приключений, буйства красок жизни. Консервативный взгляд на жизнь занимал в его мыслях важнейшее место. В своих руках он желал лишь крепко держать доходный бизнес и тонкую талию молодой жены.

Их встреча с Софией была обязана случаю, занесшим владельца сети престижных автосалонов «D.Auto» в придорожное бистро близ штата Оклахома, в котором в то время работала она. Два кофе с коньяком. Встреча взглядов. Открытая клетка и птица, желающая упорхнуть в мир шарма, роскоши. Утренняя забегаловка ещё хранила аромат пончиков. Рассвет ещё золотил лица завтракающих, проникая сквозь стекла пыльных рам, а они уже мчали по трассе 101, желая обрести железное «мы». Отношения развивались стремительно, опережая дни, предназначенные для первых трепетных свиданий. Ей тогда казалось, что все придет само, но, кроме первоначальной благодарности, София не чувствовала ничего по отношению к мужу...

В спешке собирая чемодан, забывая его горе-накопленным, София ловила недоумевающие взгляды и расспросы соседок по квартире, знающих ее как натуру тонкую с особой душевной организацией. Она лишь радостно улыбалась, предчувствуя скорую встречу с морским побережьем.

– Оно! Море нас объединяет, – доносилось им в ответ, – Все, что мне не хватало до этого, все для чего я жила, к чему стремилась, и чем было наполнено мое сердце... морем. Я не могу отнять его у всех, но буду ближе к нему, намного ближе...

– София, ну, а как же любовь? По – крайней мере, у вас должно быть что-то общее, чувства – пытались отговорить ее подруги.

– Я устала ждать, искать. У меня могут отнять многое, но не мечты о море.

– Ты всегда была странная, – устав спорить, пожимали плечами соседки и возвращались к своим делам.

– Может. Но я никого не прошу меня понимать.

Из лениво-томной дымки воспоминаний Софию вывел неожиданно прилетевший к ее ногам пляжный мячик. Вслед за ним прибежал светловолосый чумазый паренек лет шести.

– Pardonnez, la madame³, – сконфуженно промолвил он, виновато шаркая ножкой.

³ Pardonnez, la madame – Простите, мадам (франц.)

– C'est sans importance!⁴ – улыбнулась София, тем самым, приободряя мальчугана. Покрутила в руках разноцветный мяч и протянула ему.

Поправив съехавшую на бок кепку, мальчик ответно заулыбался, направляя светлые лучики глаз в ее душу, отчего Софии стало очень светло. Подхватив мячик, весело сверкая пятками, он поспешил к своим друзьям, с интересом следивших за происходящей сценой. София, все ещё сохраняя улыбку на устах, помахала им в знак приветствия и принялась наблюдать за их причудливой и шумной игрой. Она заметила, что большинство детишек были одеты бедно, за исключением этого мальчика. И, как бы ни была испачкана его одежда, она явно отличалась.

Силуэт мужчины тенью возник на золотистом песке. Чёткий изгиб спины, сила чувствовалась во всем нем. Медленный поворот головы в сторону Софи. Встреча взглядов, задержались друг в друге. Минута. И он исчез. Однако, казалось, что прошла целая вечность, когда в царившую идиллию солнечно-спокойного дня внезапно вторгся пронизывающий ветер. И море как будто в неистовой ревности все более и более бушевало.

⁴ C'est sans importance! – Какие пустяки! Это ерунда (франц.)

II

Частная вечеринка у мадам Саффран в кабачке "The sun" была в самом разгаре. Сытые глаза нуворишей оценивающе цепляли качество, количество угощения хозяйки и приблизительную стоимость драгоценностей на ушах друг друга. Улыбка каждого из них будто говорила о бесконечной любви к тебе заочно, нежданно, угадано. И только глаза, имеющие своей природой душу, отражали истину.

София и Доминик негласно обязались ходить на подобные приемы. Это было немаловажной частью их бонусов к получаемым доходам. Доминик легко вливаясь в атмосферу праздника, обсуждал выгодные сделки, представлял спрос и предложение. Для нее же это была не первая, и София с ужасом осознавала, что далеко не последняя вечеринка. Почти год она честно, но тщетно тренировалась улыбаться и притворно смеяться. В который раз стоя с бокалом вина, в новом платье, мысленно проклинала все на свете. Это приводило их к ссорам и взаимным придишкам после очередного вечера.

– Что ты опять была как бестолковая кукла, – в отчаянии восклицал Доминик, – Неужели так сложно расслабиться, выпей больше вина что ли. Оно хоть немного лишит воли твое сознание.

– Если я выпущу на волю свое подсознание, будет ещё ху-

же, – отмечала София.

– А ты воспринимай все это несерьезно, как шоу, понимаешь? Можешь ты хоть как-то помогать своему благоверному?

Далее шло много текста о мировых тенденциях автобизнеса, кризисной ситуации, партнерских и конкурентных отношениях и прочем, что нисколько не интересовало Софию и представлялось лишь фоновым шумом, постепенно исчезающим вдаль.

Она смотрела в окно их пляжного домика, туда где оно... *МОРЕ*. Вольное делать, что ему вздумается, такое свободное. Обещала ему: «Ради тебя я стерплю все, соленая вода моего сердца».

– Я все поняла, Доминик, – перебивала она, стараясь улыбнуться.

– Умница девочка, милая, все будет хорошо! – несколько раз повторял он, взяв ее лицо в свои ладони, затем нежно целовал.

Вместе с тем, с каждым разом вина на приемах приходилось пить больше. Разговоры казались приторней, люди – циничнее. Но, и сами по себе мероприятия в связи с расширением бизнеса Доминика стали масштабнее. Отчего, выбрав удобный момент, София научилась ловко сбежать с них. Когда к горлу подступал спазм, платье душило тело, а в голове постукивали колокольчики, она незаметно ускользала из зал. Ловила ночное такси и приезжала на *plage le colombier*, спо-

койствие которого охраняли служители порядка и *Море...*

Тогда она снимала не щадящие стопы туфли и зарывала ноги в песок, уже чувствуя, как он остыл с заходом солнца. Мысли постепенно очищались от суетного, земного. Голова становилась пуста. Легка. Как бриз. Как солнце после пяти.

– Не слишком ли у Вас изысканный наряд для ночных купаний, дамочка? – услышала она как-то раз за своей спиной мужской голос.

– Пока в голову не идет ответ. Я слишком устала. Но, я улыбаюсь Вам. Давайте просто посидим, помолчим.

Мужчина послушно опустился на песок, погрузив в него свои ступни.

– Вы любите зарываться? – спросила София, заметив это.

– Вы в каком смысле, ногами в песок или в отношении дам? – засмеялся он, – У меня сегодня отличное настроение, не обращайтесь внимания. Кто не любит зарываться? Все любят! Чтобы ноги немного щекотал песок и создавалась иллюзия единения с морем.

– Соглашусь...

– А Вы любите вино? У меня с собой есть бутылочка. Только поглощая вино и фрукты, мы по-настоящему гармонизируем с природой.

София отрицательно помотала головой.

– В последнее время – нет. Оно тоже создает у меня определенную иллюзию. А мне не всегда хочется жить в том мире, – она вздохнула и прикрыла глаза.

– А когда хочется? И что в нем интересного в этом вашем мире?

– Ну, как Вам сказать. Мой мир только мой, понимаете?

– Ну, тогда давайте молчать. Раз сегодня не вечер откровений, – согласился он в ответ.

– Давайте, у меня был сегодня крайне тяжелый день.

Шли секунды, минуты, получасы. Молчание затянулось. Но отчего-то оно не дарило никому из двоих ощущения тягостности пребывания вместе. В тишине рядом с морем редко у кого возникает чувство неловкости, величие и кажущаяся вечность существования которого поселяло чувство спокойствия.

Около полуночи София встала, потянулась всем телом к морю и пошла вдоль его берега иногда соприкасаясь с волнами пальцами ног.

– Дамочка, вы туфли забыли, – окликнул ее незнакомец.

– Меня зовут, Мария, – решив представиться чужим именем, ответила она, – А туфли? Подарите их кому-нибудь. Мне не суждено их больше надеть. Дважды. Это не комифо, если Вы понимаете, о чем я.

– Понимаю. А встречаетесь Вы лишь раз? Я к тому, что, если вдруг захочется встретиться, давайте завтра на этом же месте. Я в эти края приехал на неделю раньше жены. Для того, чтобы многое обдумать. Как бы это не звучало. До свиданья, Мария.

Что до Софии, то она была рада возможности болтать с

кем-то настоящим, без масок наигранности, и, тем не менее, оставаться инкогнито с незнакомцем. Ведь ночь так бережно скрывала их лица. Это как в детстве, когда ты говоришь, не то, что от тебя ждут, и то, что интересно собеседникам, а то, что ты чувствуешь здесь, в самом сердце. Обсуждать всякие обычности: будь то белка, стремительно взбирающаяся на ветку дерева или поздний завтрак в воскресный день.

Сбегая на следующий вечер с очередного праздника, по каменным ступеням вдоль линии пляжа, София мысленно пританцовывала. Будто вновь спешила из школы в парк, есть мороженое и наблюдать за птицами. Полету их свободы в просторах неба. Таких бесконечных, что даже запрокинув голову в высь, раскрыв широко-широко глаза, не сможешь различить его края и количества пушинок-облаков, верных спутников его синевы.

Сам разговор с незнакомцем начинался из неоткуда, спонтанно, будто и не прекращался вчера.

– Как вы думаете, у моря есть время? – задавала вопрос София.

– У всего есть время. Мы живем по его часам, – уверенно отвечал он.

– А как же вечность? Выдумки? – продолжала она.

– На уровне сказки Андерсона.

– А бессмертность души?

– Пока она живет в нас. Но кто знает, кто будет ее приемником.

– С Вами интересно, однако Вы – классический циник.

– Но я никого не прошу меня понимать...

– Я часто так говорю, – удивилась она.

– Говорить – не главное, нужно так думать и верить, – убеждал незнакомец.

– А стоит ли верить?

– Вот это обязательно.

– У Вас на все есть ответы, как у моего мужа...

– Вы хотите, чтобы я ответил и подтвердил эту теорию?

Значит Вы замужем?

– Да, и в последнее время, я понимаю, что, к сожалению...

Видите ли мой муж – крупный бизнесмен... Ему не до меня.

– И? Вы счастливы?

– Глупый вопрос...

– Я бы сказал – не глупый, а самый что ни наесть обычный. На такой вопрос следует отвечать либо положительно, либо...

– Тогда – либо... – перебила она, – Знаете, устала я искать это счастье в чем-то ещё, кроме как в достатке и уверенности в завтрашнем дне.

– Вполне разумно, но не для Вас... Вы – натура чувственная, молодая, вам необходимо дышать чистотой и гармонией.

– Подобное было уже некогда сказано Шатобрианом⁵

⁵ Франсуа Рене де Шатобриан (1768 – 1848) – французский писатель и дипломат, один из первых представителей [романтизма](#) во [французской литературе](#).

– Так я повторюсь. Совсем не зазорно цитировать. В четкой и ёмкой фразе порой содержится намного больше, чем в целой книге философа. Вы занимаетесь любовью по крайней мере?

– Да, но не любовью, это больше походит на плату.

– Именно, поэтому Вы так любите море. Оно приносит некое умиротворение Вашей душе.

– Я бы сказала скорее да, чем нет...

– А часто ли Вам приходит в голову сбежать ото всего этого?

– Часто, – подтвердила она, – Потому я с Вами сейчас здесь. В ночи. Говорю обо всем и ни о чем. Понимаете ли, как это дико, быть с кем-то и не наслаждаться им, ничего не чувствовать. Совсем.

– А Вы думали тогда, что будет иначе?

– Нет, я думала, что я – другая. Что все смогу, придумаю себе. Поверю в это и привыкну.

– Привычка – скверная штука...

Теперь София приходила на пляж каждый вечер. Оставляя на песке очередные туфли и запятуя в диалогах с незнакомцем, она с непривычной легкостью отдавала себя дома в таинственное царствие Морфея. Засыпала со сладостной, появляющейся из подсознания мыслью о предстоящем вечере так полюбившихся ей «разговоров на песке». Сны были яркие, медово-ванильных оттенков.

На приемах у друзей Доминика, сохраняя кажущуюся

невозмутимость, она остро чувствовала, как становится приятно внутри от томящего ожидания новой встречи. Лишь скинув туфли – оковы на пляже, София вновь обретала свободу движений, мыслей, простоты босых ног. Пропуская мимо своих, украшенных бриллиантами ушей, лепет собеседницы, София вглядывалась вдаль. Туда, где меж раздувающихся штор окна летней веранды, серебрится море. Манит ее своей открытостью, легкостью предстоящего тет-а-тет.

Появляясь неожиданно на пляже каждый раз, незнакомец дарил ей тот самый необходимый глоток воздуха как выброшенному на берег путнику, потерпевшему кораблекрушение и потерявшему всякую надежду ощутить твердую почву под ногами.

– Может быть сегодня мы все же выпьем с Вами вина? – как-то предложил он.

– Разве мы ещё не перешли на «ты»?

– Ты никогда не отвечаешь на поставленный вопрос, мне нравится это. Ну, так что? Не против отведать «*In vino veritas*»⁶. У меня совершенно случайно оказалось два лишних фужера... Посмотри, как чудесно они сияют в отблеске луны. Наполнив их красным вином, я надеюсь на взаимную откровенность.

– Прекрати говорить такие слова. Иначе тепло, исходящее от них способно разрушить общее представление о должном холодном нраве замужней дамы.

⁶ *In vino veritas* – истина в вине (лат.)

– Холодность дамы, будь то замужней или нет, это нонсенс. Лишь задетая до глубины души, пораженная каким-либо мужчиной, она может почувствовать у себя внутри: как пульсирует кровь в ее венах, как отчаянно бьется сердце, учащается дыхание. Очарование разливается по ее телу, доходя до самой наивысшей точки. От головного мозга до желания. Любовь проходит некий путь, всеми своими признаками, показывая и проявляя себя. Так важно понять и разгадать этот огонь, иначе он потухнет, неподдерживаемый ничем.

– И что же дальше будет с этим «огнем»? Оставленном без малейшей искорки.

– Потом этот «огонь» периодически начинает сбегать от очага, по пути роняя премиленькие туфельки, и зарывает себя в песок. В попытке скрыть остатки пепла в его глубине.

Софию неприятно задели эти слова, накинув на плечи пиджак, она встала:

– Мне пора... Не стоило бы намекать таким образом на мои отношения с мужем. Мой очаг лишь в моей власти и не достоин обсуждения.

Подхватив туфли и своё воодушевление произнесенным, она проследовала от места, где ещё совсем недавно все было так спокойно. Он крикнул ей вслед:

– Ты обиделась? Я не хотел этого. Ты просила правду. Она не столь прекрасна как самообман. Сегодня, кстати, у нас последняя встреча.

София остановилась. В руках у нее застыли туфли.

– Видишь ли, завтра приезжает моя жена, – пояснил он, – И, вряд ли я найду время для наших бесед.

– Ты настолько любишь ее, что не оставляешь ни на минутку?

– Я стараюсь не гасить ее огонь...

София молча проследовала дальше по тонкой полосе берега. Он окликнул ее.

– Ты забыла оставить мне туфли.

– Я думаю впредь все свое оставлять при себе. И, я не обижаюсь, мне просто, действительно, пора.

– Значит, я не ошибся в тебе. Ну, что ж, прощай. Твои прежние туфли я раздал торговкам на местном рынке. Себе оставил одни, замшевые, с золотистым бантиком. Я их отдам младшей сестре. Когда, она наденет их на одно из семейных торжеств, а уж будь уверена, что вкус у нее безупречен, я вспомню о Марии. О твоей любви к морю и босоногому времяпрепровождению. Ты улыбаешься? Я слышу...

– Допустим. Ну, а ты мне ничего не хочешь оставить на память?

– Женская память – непростая штука. Нам, мужчинам, доставляет удовольствие вспоминать о веселом времени, проведенном с прекрасной женщиной. Вы, дамы, живете в вечной иллюзии, стране ностальгии, чаще грустите. Что же презентовать? Подарить морской камушек или ракушку. Это не будет оригинальным подарком: их ты всегда сможешь подо-

брать, разнообразного цвета, формы. Они у твоих ног. Что же это будет, милая Мария?

Он подходил все ближе, и ближе. В свете берегового фонаря она впервые увидела его черные глаза. Они смотрели властно, но снисходительно, пытаясь влезть вглубь ее сути. В них она узнала свое наваждение на пляже. В них она вмиг погибла и упала на самое дно. А он как будто не признавал ее. Слегка наклонив голову на бок, он потянул медленно и мелодично:

– Итак... Я не ошибался полагая, что глаза у тебя – светлые. Смее спорить, что они меняют свой цвет приблизительно в полдень. Когда возвращаешься с пляжа. Да! – отвел он взгляд в сторону как будто ясно видел описываемую картину, – Смешно представить, как с утра ты сероглазая идешь ловить лучи ультрафиолета, а ближе к ланчу глядишь на мир своими уже зеленоватыми глазами. Признайся, ты пьешь море? Ты никак не насытишься им. Оно глубоко засело у тебя вот здесь.

Он мягко притронулся к волосам на ее голове.

– Я думала, ты прикоснешься к сердцу.

– Это все выдумки, любовь рождается в голове в совокупности с органами чувств, посредством которых он и получает информацию. И это...

«Зрение». – Он внимательно посмотрел в ее глаза, – Попробуй почувствовать другое, без визуального контакта, закрой глаза. София покорно прикрыла веки.

«Слух» – бесшумно зашел за ее спину, поднял локон, завел за ухо. «Чувствуешь, как горячо мое дыхание, твои уши наполняются теплом моих слов».

«Обоняние. Существует теория, что люди выбирают себе собеседника по запаху. Все мы животные по своей сути. От тебя притягательно пахнет. Что это? Миндальное молочко?».

Он слегка коснулся носом ее шеи, аккуратно провел им до основания подбородка – «И я постепенно, как ты понимаешь, подошел к...

Осязанию».

Она медленно повернула к нему голову, все ещё с закрытыми глазами:

– Неужели, человеку свойственно только четыре чувства?

– Ты действительно хочешь узнать, какое пятое?

– Я довольно посредственно училась в школе.

– Ну, что ж, должно же что-то остаться на память обо мне.

Пятое из чувств – это...

«Вкус» – Он прильнул своими губами к приоткрытому рту Софии.

– Видишь, как быстро у тебя начинает биться сердце. Что скажешь?

– Что у тебя глаза черные как ночь. Неудивительно, для такого любителя встреч после захода солнца, – испугавшись учащенного сердцебиения София отстранилась от него.

– Интересное сравнение, но все генетически объяснимо.

Цвет глаз и прочее. – усмехнулся он в ответ.

III

В ту ночь Софии не спалось, задремала под утро. В приоткрытое с ночи окно дул морской воздух. София втянула в себя свежесть нового дня, приоткрыла глаза. Взгляд лениво шарил по предметам, составляющим обстановку комнаты. Всё теперь казалось еще более нелепым, чрезмерным в этой экспозиции «счастья». Фигурки, статуэтки, олицетворявшие ранее домашний уют. Купидоны, вырезанные в изголовье кровати рукою искусного мастера. Все они как – будто посмеивались над ней: «Ну, что же, ты, окруженная роскошью и блеском высшего света, всё делаешь вид, будто по-прежнему спишь в выходной Доминика. Ты, разнеженная мягкими шелками простыней, кремами и ароматами лучших салонов, будешь валяться. Чувствуя, как устает тело, напрягаясь от вынужденного замирания на правом боку, до полудня. Пока Доминику не надоест поднимать тебя».

Больше всех заливалась смехом фарфоровая фигурка дамы и господина 18 века, спрятанных под зонтом. Девушка, одетая в лучшие наряды того времени: нежнейшее платье небесно-голубого цвета, с туго стянутой корсетом талией. Ее кавалер в блестящем фраке, модный и элегантный под стать ей. Софии казалось даже, что зонтик опускался и приподнимался от приливов их хохота. Дама сверкала глазами, ища поддержку у сопровождающего:

«Как же, мы с тобой похожи, дурёха. Облачаясь в лучшие наряды, драгоценности и улыбки, ходим по светским мероприятиям. Слушаем речи сильным мира сего, дурим себя и голову бесконечными литрами шампанского. Живем как скажут. Ждем любви, обходящей нас мимо. Спим с нелюбимыми. Верим, что способны их полюбить. Разочаровываемся. Ищем отдушину. А знаешь, в чем разница между нами, милая? У тебя все же был выбор, у меня – нет. Нас выдавали, ты – отдалась сама. За мечту. За возможность жить безбедно. За море у ног. Но ведь оно несет не только радость. Оно – губит людей. Тех, кто настолько предан ее величию».

– Да что ты знаешь? – кинула София в ответ воображаемой собеседнице подушку. Статуэтка покачнулась, и, выделывая в воздухе нелепые па, вдребезги разбилась у основания комода. «На счастье» – подумала надежда. «На беду» – твердило подсознание.

В открывшуюся дверь спальни просунулась голова Доминика:

– Чего шумим? Сколько можно спать? Уже одиннадцать. Давай, поднимайся, сегодня прилетает Дебора. Я еду в аэропорт, а ты, будь хорошей девочкой, приведи себя в порядок

– Кто такая Дебора? – нахмурившись, спросила София.

– Я же тебе говорил, дорогая, – в легком раздражении ответил Доминик, надевая спортивный костюм, – Вероятно, ты не слушаешь меня совсем... Дебора – моя младшая сводная сестра. Она прилетает к нам погостить ненадолго. Сестренка

долго возилась с оформлением наследства своего отца, мы не виделись больше двух лет. Родственники делили небольшую империю, – усмехнулся он, – Потрачено уйма времени и нервов, сама понимаешь... Но зато теперь, у нее есть возможность жить в свое удовольствие. Куш оказался немалым.

– Ну, а без меня никак нельзя? – потупив взор, спросила София.

Доминик обернулся и внимательно устремил на нее взгляд своих карих глаз. Махнул рукой.

– Ладно, хвала небесам, она забронировала номер в отеле «Гранд-плаза». Тогда собирайся и приезжай прямо к мадам Мартен. Мы будем там. У ее дочери юбилей, в честь чего нам обещают пышный карнавал.

– Да, извини, Доминик, сейчас я буду приводить себя в порядок.

– Да уж, будь добра.

«Господи, как я ненавижу эту фразу» – закатила глаза София.

Сладкий плен кровати ласково манил ее обратно в объятия сна, лишённого смысла, но все же спасающего от обреченности посещения вечера бутафории радости. Все шло не так: макияж не ложился, ее кожа будто отторгала чуждое, несвойственное. Платья не подходили к новым туфлям и не избиралось из них лучшее. Наряды как воплощение лжи и притворства. София чувствовала отвращение к ним, резко срывала очередное и отбрасывала в сторону. Количество

рядов на вешалках редело, принося в гардеробную больше света. София заходила все глубже, как будто пытаясь выбраться из шкафа и оказаться на другой стороне его. Там, где нет лейблов, фикций, брэндов, звона монет и бокалов, обязательности и обусловленности. Устала, присела на пол гардеробной. Взгляд туманно шарил по сваленным вещам, среди которых, словно жемчужину в темных водах океана, поймал темно-синее платье, когда-то подаренное ей бабушкой Эльзой.

Эхом возвращались воспоминания...

«Вставай, девочка моя, сегодня ты станешь совсем взрослой, – так звучали слова бабушки в восемнадцатый день рождения Софии. Проснувшись, она увидела преисполненные добротой глаза Эльзы, склонившейся над соней. Воздух был наполнен неповторимым ароматом яблочного пирога и какого-то особенного счастья. Весь день был таков до самого позднего вечера. Обнявшись с бабушкой и соседскими приятелями, они сидели на веранде, освещенной дюжиной китайских фонариков, празднуя день рождения. Ели пирог и весело в унисон исполняли старые песни.

Через две осени Эльзы не стало. Это была последняя утрата, последняя для Софии. Покинув родной город, она устремилась на встречу неизведанному, подальше от пропитанных грустью воспоминаний. Наступала взрослая жизнь, полная лишений и нужды, но более всего в теплом слове. Одна работа сменяла другую, давила объемами, оглушала сном

ночью до самой зари и будила единственным инстинктом выжить.

Вдохновившись воспоминаниями о силе духа тех лет, откинув лишние эмоции, София, облачилась в подаренное платье и лодочки, отправилась на бал.

К придуманному Мартен «вечеру-сказке», украшенному разноцветными лампочками, шумом веселья и суеты прибывали кареты самых неожиданных вариаций. Причем, чем экстравагантнее было их обличье, с тем большим восторгом они встречались публикой. Одетый в лакеев обслуживающий персонал, сбиваясь с ног, спешил к очередному экипажу. Двери кареты открывались и в знак приветствия появлялась рука пассажира, лучистый свет бриллиантов на пальцах которой разрезал темноту и представление о должной скромности в демонстрации своих привилегий.

Ало-красные ковры, предварительно расстеленные перед каретами, как языки пламени надежно подхватывали гостей и уносили в каменную пасть поместья госпожи Мартен. Оказавшись внутри оно бы вам напомнило скорее отвратительный сахарный торт, своей приторностью, с каждым кусочком, перехватывающим дыхание. На вершине торта восседала ядовитая вишенка Джулия Мартен, молоденькая юбилярша торжества чванливости. Именинница любезно принимала подарки, без особого интереса складывая их в одну кучу, сорила улыбками и общими фразами о чудном вечере.

Софию, намеренно прибывшую на праздник обычным

городским такси, шедшую к поместью, окрикнул Джордж Хендриксон, владелец сети заправочных станций «ЖНК». Он тесно сотрудничал с Домиником в бизнесе. Джо было около пятидесяти лет, долговязый, худой с блестящей лысиной. Его присутствие рядом бросало Софию в неприятную дрожь от «рыбьего» взгляда его серых глаз, долго задерживающемся на ее лице и ледяных рук, искавших причину лишней раз к ней прикоснуться. Она, было прибавила шагу, но узкое в бедрах платье этому мешало. Очень быстро Джо догнал Софию и слегка приобнял ее, сопровождая на праздник. С минуты они шли молча.

– О чем ты задумалась, милая София? – нарушил Джо тишину.

– О предстоящем вечере. Но, на будущее, прошу Вас не называть меня милой, душечкой и прочим.

– Так милая сердцу, знаешь ли...

София не ответила, а продолжала покорно идти рядом. Равнодушное восприятие его слов, как, впрочем, и общая холодность Софии по отношению к нему вывела Джо из себя. Резко развернул ее лицом к себе, он с долей убеждения продолжил:

– А все что мило моему сердцу, рано или поздно становится моим, понимаешь? – взгляд Джо изучал черты ее лица, – Таков я, этот мир и ты. Захочу, будешь моей, хоть завтра, – он с силой сжал ее запястье.

– Пустите, мне больно, – процедила сквозь зубы София и

освободила руку. Отошла в сторону.

Пройдя пару шагов, чтобы избавиться от искушения залепить обидчику пощёчину, София обернулась и с вызовом отметила:

– К Вашему сведению, не все в этом мире продается и покупается. И, уж, тем более, не такому как вы.

– Я просто назначу самую выгодную цену, и, в конце концов, выиграю этот пресловутый аукцион, – лишь рассмеялся он в ответ.

Свернув в сторону сада, расположенному близ поместья, София медленно побрела через него. Становилось все темнее. Тут и там возникали подсвеченные прожекторами мрачные тени диковинных фигур, сотканных из растений. Где-то подсознательно она понимала, что Джо был прав. Жизнь имела некие свойства покупок в магазине, стеллажи которого пестрели яркими упаковками того или иного товара, потребностями человека. Каждый из них имел свою цену, характеристики. Красочная оболочка и различные акции предлагаемой продукции привлекали взор, рождали спрос и бесконечные внутренние споры. Было в том супермаркете много отделов, на полках которых выставлялись различные товары: «Любовь», «Успех», «Карьера» и прочие.

По наблюдениям старожил торговли все чаще завозились товары в отдел «Чувства». Объяснялось это тем, что люди теперь редко возились с их взращиваем в садах собственной

души.

А, иногда, и вовсе, по окончании какого-нибудь сезона, подхваченные ажиотажем распродаж, в отделах толпились люди, желающие урвать хоть что-то по сниженной стоимости. "Две пары Карьерного роста со скидкой это получится... Спасибо, заходите ещё, может быть фирменный пакет? – интересовался вышколенный продавец, – Вот, возьмите две ампулы Тщеславия, они с Карьерным ростом по акции бесплатно".

Рядом с прилавком, робко смотря на продавца, стояла маленькая девочка и еле слышно шептала ему:

«Мне бы Счастья кусочек».

«Что ты, миленькая, все партии Счастья ещё на той неделе разобрали».

Девочка печально отводила взгляд в сторону, но, будто вспомнив: «А, Любви, Любви нет у Вас?».

Продавец с жалостью, но со снисходительной улыбкой отвечал: "Такие товары у нас только по заказу, можешь встать в электронную очередь. Да возьми ты Привязанность, почти то же самое. По побочному эффекту считай аналог".

А кто-то был завсегдаем отдела «Уценка», в котором были выставлены товары пусть и низшего качества, но по весьма привлекательной цене. Ведь иным достаточно было просто обладать хоть чем-то, чтобы соответствовать обществу и его представлениям о правильной жизни.

Но о грустном думать не хотелось...

Праздник Мартен был подготовлен в лучших традициях, со стопроцентной гарантией успеха. Взбалтывая в шейкере современный коктейль и настроение публики, ловкий бармен в костюме императора, лучезарно улыбался, отпуская алкогольные шедевры в разнеженные руки гостей. Тут и там, образуя небольшие кружки, жужжали сплетнями знакомые и не очень знакомые друг другу люди. Поднимали бокалы, легонько чокались, заговорщически посмеивались. Словом, огромные мухи с человеческий рост, даже также забавно потирают от радости лапками.

В то время ходили слухи, что на грани банкротства балansirовал один крупный делец из Ниццы. Какая-то нелепая история, в которой был замешан его старший сын и любовница мэра Кентукки. При этом, чем больше темных пятен появлялось на некогда белоснежной простыне его репутации, тем сильнее общество стремилось их размазать.

«Вероятно, все же есть точка не возврата, – в таких случаях только покачивал головой Доминик, – И помочь-то никак нельзя, с неудачниками нельзя вязаться. Это заразно».

Софию всегда расстраивали эти истории. Известное чувство несправедливости билось внутри ищущей выхода птицей. В такие моменты отчетливо видишь этих людей в памяти, как они приходили в гости, их приемы. И отчего-то ей помнилось только хорошее.

«Не называй их, пожалуйста, друзьями. Кто знает, воз-

можно, они и тебя когда-нибудь сожрут на свой пышный обед», – говорила София в ответ. Доминик же только посмеивался: «Поверь мне, для некоторых он будет самым долгожданным и сытным. Но, это исключено, удача всегда будет на моей стороне».

Рядом с баром располагалась небольшая гримерка с бесчисленным количеством карнавальных масок и костюмов. На выбор. Каждый желающий мог создать неповторимый образ. Попивая коктейль в стороне, София наблюдала за процессом создания такого сюрприза для блондинки средних лет. Повизгивая от восторга, она нетерпеливо ерзала на стуле, ожидая завершения работы. Парень-стилист в маске, вносящий последний штрих в прическу дамы был напряжен, ожидая реакции гостыи на созданный им образ. Это угадывалось по его растерянному взгляду. Лишь услышав многочисленные слова восхищения и проводив очарованную даму, парень облегченно вздохнул и устало опустил на стул.

Заметив взгляд Софии, он криво усмехнулся:

– Эта сегодня уже шестая, и только вторая довольная. Видите, осколки от разбитых бокалов? Они чудом не долетали мне в голову. Как вообще можно понять каким образом хочет выглядеть человек, потерявший свой облик в этом всем «маскараде жизни»?

Парень спохватился, и, испугавшись своей откровенности, закружил вокруг Софии:

– Вам же карнавальная маска нужна, верно? Вот, прошу

Вас, выберите, а я пока приберусь здесь.

София окинула изучающим взглядом гардероб аксессуаров. Стилист, подметая осколки, украдкой наблюдал за ней.

– Оцените вон ту черную. Моя фаворитка. Ручной работы, а, значит, сугубо индивидуальная. Вы отличаетесь от них, – парень махнул головой в сторону зал, – Я это сразу заметил.

София промолчала, примеривая маску, исполненную из материала дивного бархата будто с созданными из лунной пыли вкраплениями. На первый взгляд уступающая своим эффектным разноцветным «соседкам», оказавшись на лице Софии, маска как – будто преобразила ее в том самом искомом смысле. Когда человек желает остаться инкогнито и одновременно не в силах отвести от себя восхищенных взглядов.

– Великолепно, – заверил он.

София в ответ довольно улыбнулась и поблагодарила его.

За множеством коридоров и зал, обитых дорогими тканями, увешанных картинами, Софии открылась главная, где располагался эпицентр праздника. Напомнившим ей золотистого ретривера, Доминик весело резвился вокруг какого-то дельца. Рука последнего казалось так и тянулась почесать угодного пса за ухом. Заметив Софию, Доминик активно жестикулируя, пригласил ее присоединиться к их компании. София подошла ближе и заметила, что среди его собеседников была и дама. «Ну, bonjour, сестричка» – промельк-

нула догадка в ее голове.

На первый взгляд Дебора показалась ей очень статной, держащей марку, и, конечно была красива, что касается фигуры, лица и копны рыжих волос, отдававших медью. Но вот взгляд, пожалуй, портил общее впечатление. Напоминал ей сюжеты картин Мунка⁷. Не глаза, а пропасть печали. Огромная пропасть, наводящая на мысль о бесконечной тоске по существующему.

⁷ Эдвард Мунк (1863–1944 г.) – норвежский живописец и график.

IV

– Не такие уж мы с ним друзья, как ты понимаешь, компаньоны не более. Общее дело конечно сплачивает, но в мои привычки никогда не входило вращаться в людей. Потом больше отделяться. Был вечер, и, может тому виной бутылка доброго виски или эйфория от удачно заключенной сделки. Все это, тем не менее, расположило Доминика на откровенный разговор, – Джо сделал паузу, чтобы подкурить сигару.

Его собеседник послушно застыл в ожидании. Наслаждаясь ароматом, Джо с интересом стал изучать легкий танец штор у окон кабинета.

– Я все думал, как это использовать, – продолжил он в задумчивости, – Говорят, что браки заключаются на небесах. Но и это устарело, есть особая форма скрепления отношений. Надежная, верная, лучшая, что я когда-либо знал. Так называемый брачный контракт, четкое следование пунктам которого позволяет тебе чувствовать уверенность в партнере и завтрашнем дне. Именно так мудро поступил Доминик, оформляя свои отношения с Софией.

Медленно повернув голову, Джо устремил пристальный взгляд на собеседника. Последний обеспокоено заерзал в своем кресле:

– К чему этот разговор, Джордж? – наконец промолвил он. Джо заулыбался в предвкушении развязки:

– Долги – скверная штука. Долги, мой мальчик, имеют свойство накапливаться, постепенно топя в себе неудачника.

Джо встал и начал мерить пространство кабинета шагами.

– Ты знаешь, во многом от того, что ты мой родственник, мне совестно за то, что однажды я открыл для тебя удивительный, но коварный мир карт. Которые делают из тебя на какое-то мгновение всемогущего владыку, чтобы потом в одночасье превратить в раба. Пока рука сама не потянется к револьверу, в последнем решительном намерении закончить партию названием «жизнь». Азарт не излечим. Мне стало известно, что ты задолжал месье Терри кругленькую сумму.

Он стал с интересом следить за реакцией собеседника. Тот побледнел и напряженно продолжил слушать.

– Думал тебе удастся это утаить? Так вот, у меня повсюду уши. Скажи мне только одно, ты долго думал, прежде чем заложить поместье тети Фриды?

– Я... – начал было объясняться собеседник.

Джо жестом прервал его.

– Что ж, ты прав. Именно ты поможешь своему дядюшке в одном деле. Как самый известный мне "Дон Жуан" ... Долг мною выкуплен и может быть погашен. Твоя воля. Готов? Слушай. Мне известна одна странная привычка Софии сбегать со званых вечеров на пляж «le colombier». Думаю, это будет полезной информацией для тебя...

Если бы время могло остановиться, было бы отчетливо

слышно, как замерло сердце Софии при встрече взглядами с мужчиной, обнимавшего Дебору. Пускай маска и скрывала большую часть его лица, но глаза рассеивали сомнение в том, кто теперь стоял перед ней и с улыбкой пожимал руку.

– Дэймон, – представился он, – Муж сестры Вашего мужа.

– София, – глухо ответила она.

– Значит, София? – откашлялся он, – Это имя очень подходит Вам. Разрешите подчеркнуть великолепие Вашего загара. Должно быть Вы много времени проводите на пляже, – казалось, он совсем не растерялся.

– Слишком много, – вмешался Доминик, самодовольно усмехнувшись, – Но, согласитесь, такое солнце как мою Софию нельзя разлучать с морем, – с этими словами он нежно прижал ее к себе.

– Несомненно, – подтвердил Дэймон, – Это было бы просто преступлением, – смешливый взгляд его устремился в глаза Софии.

У нее слегка закружилась голова. Воспользовавшись завязавшимся разговором о длительном перелете Дэборы из Соединенных штатов, она двинулась в сторону балкона. Глубоко вздохнув свежий морской воздух, София пыталась осознать происшедшее, но мысли путались.

– Опять сбегаете? – раздался сзади знакомый голос.

– Не думаю, что нам нужно, – запротестовала она, не поворачивая лица.

– А, кто это должен решать, не мы ли?

– Мне кажется, в последний раз мы уже все выяснили.

– А кто говорит, что он был последний? Дебора и Доминик завтра на целый день уезжают в Канны. Я позволил себе сказать на легком недомогании от здешнего климата. Так что буду ждать Вас завтра в семь вечера там же. Если желаете, то – жду, – с этими словами он покинул балкон.

София обернулась и посмотрела ему вслед. «Мне бы хоть каплю твоей уверенности, – с досадой подумала она.

Вернувшись в зал, София заметила, что круг собеседников Доминика значительно увеличился. К нему присоединился Джордж со своей зависимой от алкоголя супругой Алисой, приглашенные кондитеры Бантон и Ля Рошель. Готовое в любую секунду извергнуться подобно вулканической лаве веселье их передавало общую атмосферу торжества.

Алиса, веселая и несколько развязная крашенная блондинка средних лет, обладала долей шарма. Среди черт ее лица проглядывалась былая аристократическая красота. Уже порядком накачавшись бурбона, она говорила всякие нелепости, чем более веселила публику и смущала мужа.

– А я ему говорю, какая к черту карета, я хочу плыть на корабле и быть капитаном этой посуды, – несколько театральным жестом она поправила выбившийся из-под шляпки локон, – Быть может Вы не знали, но в душе я – пират. Право, не смейтесь. Я граблю всех, вот сейчас ваше внимание и время. Запираю в сундуки свои бесчисленные богатства, много плаваю по необъятным морских просторам. Од-

ним словом, кружу.

– И как заправский капитан много пьешь, – добавил Джо, – Алиса прекращай уже эти выдумки, ты сюда приехала со своим водителем, а не на корабле – умоляюще воззвал он к ее совести.

– Эх, ты, прервал полет фантазии, – обиделась она, – Где, кстати, Мэтью, опять вяжется с этими пляжными босяками?

Как будто узнав, что речь идет о нем, рядом оказался тот самый мальчуган, встретившийся Софии на пляже. Ласково обхватив одной рукой Алису, он в радостном удивлении помахал рукой Софии. Она ответила приветствием.

– Где ты был? И сколько это ещё может продолжаться? – принялась расспрашивать его Алиса, – Только посмотри на себя: бабочка вся в какой-то грязи, волосы растрепаны, дай же тебя отряхну. Какое впечатление ты оказываешь на господ?

– На пляже, – несмотря на серьезный тон, продолжал счастливо улыбаться малыш, – Мы с ребятами играли в догонялки. А потом, знаешь мам, пускали каменных лягушек по воде. Представляешь, у меня получилось запустить три подряд!

– Сколько раз я тебе говорила, что ты им неровня. Это общение надо заканчивать.

Мальчик непонимающе уставился на Алису:

– Как же так, мам, мне с ними так хорошо, так весело, разве можно закончить то, что сильно-сильно нравится. Знаешь, мне будто и дышится легче, – зевнув, продолжил он, –

На том самом пляже.

– Хорошо, поговорим завтра, Мэтью. Тебе пора спать, ты утомился. Энрике отвезет тебя домой. Энрике! – крикнула она шоферу.

Оставив Доминика на празднике, возвращаясь домой на такси, София вспомнила слова мальчика, такие простые и истинные. К чему сжигать те мосты, на которые потом будешь оглядываться с тоской по упущенному. Как можно вообще объявить финал неиспытанному, вырубить на корню зарождающееся души цветение. Пожалуй, для себя она давно все решила. Не хватало его, вот этого самого знака, чтобы картина должным образом прояснилась. Она остановила такси у летней веранды парка, на площадке которой толпа людей задорно отплясывала, празднуя какое-то событие. Вдохнув свежесть окутанных прохладой крон, София проследовала по узеньким дорожкам аллеи, подальше от шума. Тишина была необходима ей для мысли поселившейся в ее сознании. Различные вариации дальнейшего развития событий будто отрывки кинолент возникали на экране проектора ее размышлений. И все же яркие блики предстоящего затмевали прочее, что очередной раз убедило ее в правильности принятого решения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.